

лится теперь пред престолом Господним. Она и сама знает это, но не может заглушить неумолимого голоса чувства; утешение не помогает. Тут старец видит, что здесь перед ним нечто неприступное, к чему нельзя прикасаться: «Это древняя Рахиль плачет о детях своих и не может утешиться, потому что их нет, и таковой вам, матерям, предел на земле положен. И не утешайся, и не надо тебе утешаться, не утешайся и плачь, только каждый раз, когда плачешь, вспоминай неуклонно, что сыночек твой есть единый от ангелов Божиих, оттуда на тебя смотрит и видит тебя, и на твои слезы радуется, и на них Господу Богу указывает. И надолго еще тебе сего великого материнского плача будет, но обратится он под конец тебе в тихую радость, и будут горькие слезы твои лишь слезами тихого умиления и сердечного очищения, от грехов спасающего» (Б.К. 58).

Ничего не изменилось, ибо не может измениться. Но эту неизменную реальность следует подвести к престолу Божию как нечто целое, чтобы она предала себя Ему целиком, до конца. Божественною волею все преобразуется, и сердце само осуществит эти перемены, испытав милость Божию и обретя Бога в любви. Преобразование тяжкого бытия силою любви, живущей в пробужденном Богом сердце, – вот дело верующего народа.

«– Ступай к мужу, мать, сего же дня ступай.

– Пойду, родной, по твоему слову пойду. Сердце ты мое разобрал» (Б.К. 58).

Затем – после старушонки, тревожащейся о своем сыне и уже готовой прибегнуть чуть ли не к колдовству, чтобы получить от него весточку, – самая мрачная из всех фигур:

«А старец уже заметил в толпе два горящие, стремящиеся к нему взгляда изнуренной, на вид чахоточной, хотя и молодой еще крестьянки. Она глядела молча, глаза просили о чем-то, но она как бы боялась приблизиться.

– Ты с чем, родненькая?

– Разрешь мою душу, родимый, – тихо и не спеша промолвила она, стала на колени и поклонилась ему в ноги. – Согрешила, отец родной, греха моего боюсь.

Старец сел на нижнюю ступеньку, женщина приблизилась к нему; не вставая с колен.